

Сергей
Лешаков

«ЛУНА ПЛЫЛА, КАК ЛЕБЕДЬ НЕЗАБВЕННЫЙ»

Высокое напряжение эмоционального фона стихотворений молодого автора Юрия Вовка, глубина и длительность его поэтического дыхания, легкость его пера – всё выдаёт в его творениях незаурядность поэтического дарования. Творчество Юрия – это поэзия молодого человека, очень молодого, и пусть порой образы его случайны, порой ожидаемо тривиальны, но поэтическая форма его стихотворений крепка и звеняща, а перехлёстывающий через край талант легко позволяет ему собрать всё: и первое попавшееся, и глубинно правдивое, в единую, прочную словесно-звуковую структуру. В этом неистребимое обаяние творческой молодости, «порывов юных лет, взрывов сил, крайности мнений».

Юрий трепетно относится ко всей поэзии и ко всем поэтам, ему чужды литературная групповщина, эстетическая борьба литературных поколений. Он, как и полагается русскому литератору, живущему в провинции, занимается культурным подвижничеством, издаёт на свои средства литературный журнал совместно с поэтом В. Варенцовым, и они же организуют детско-юношеские литературные конкурсы. Постоянная тяга к самообразованию, открытость всему новому, полная незлобивость в общении и спокойно ищущее внимание к любой критике...

Глядя на поэтов Юрия Вовка, Татьяну Ковальскую и других творцов их поколения, я порой думаю: а может быть, действительно, сбывается пророчество гуманистов XIX века: «идущие за нами окажутся лучше нас». А вот поколение, которое постарше нынешних двадцатилетних на десять-пятнадцать лет, оказалось поколением «пассажиров» в поезде культуры, поезд на какое-то время остановился, они повыходили на станциях, забились по своим углам и запели бесконечную пораженческую песню – «Здесь никому ничего не нужно». И когда пришло время подхватить литературное знамя из слабеющих рук старшего поколения, они не сделали этого. Но их можно в чём-то понять, их детство и юность пришлось на лихие девяностые, когда конкуренты сжигали друг у друга киоски, порой вместе с продавцами, а по вечерам за городом была страшная пальба бандитских разборок, люди мерли от палёной водки, а зарплату ждали месяцами.

Но нынешняя генерация двадцатилетних творцов – это поистине дети свободы, когда можно творить без всякой оглядки на цензуру, на редакторов и контролирующие органы. Им уже невозможно объяснить, что лирика может быть опасна для их создателя, что такое эзопов язык художественной прозы, что если ты,

будучи поэтом, не пишешь риторических славословий в честь революции, «родной партии», трудовых свершений и т. п., то можешь оказаться не своим в своей стране, что за хорошее литературное произведение можно получить серьезный тюремный срок.

Они всего этого не знают, и слава богу. Хотелось бы, чтобы подобная ситуация в культуре не повторилась уже никогда. Но, не имея внешней цензуры, творец должен обладать всё-таки внутренней цензурой, цензурой разума, цензурой сердца. Только так возможно существование подлинно эстетического, образующего чёткие формы для национально-культурной идентичности.

Непосредственность и лёгкость в стихах Юрия порой дают такую точную живую картину, которую не ухватить и глубокими размышлениями и широким обобщением: «У меня магазин под боком и аптека за первым углом. И хожу я, как все, под Богом, но всё чаще бегом. Бегом!» Чувствуется, что у него большое доброе сердце, которое послужит ему верным компасом и в литературе, и в жизни: «Много ль надо, чтоб сердце билось без усилий, легко, до смерти! Чтобы только любовь таилась, там, где дышат обычно черти!» Стихотворения Юрия – это не обычное юношеское рифмованное пустословие: пришла – ушла, полюбил – разлюбил; у Юрия много точных деталей, особое место в его стихах занимает природа, это активный, действующий, общающийся «другой», образы природы постоянно взаимодействуют с автором: и деревья, и зимняя степь, и вот, например, ворон: «каркнет ворон в седой ночи – ни грешка тебе, ни стишка. Эй, картавый, молчи, молчи... Без того тяжела башка...» И так же, как многие русские поэты, Юрий Вовк выходит порой на мистический уровень мироощущений: «Небо скалится грозой в окна, но не страшно ни черта всё же. И вопрос из темноты соткан – отчего мне так светло, Боже?» – здесь есть и смирение, и просветление души, и пусть пока не явно выраженная, подспудная жажда спасения в вечности: «Протекает от дождя крыша, тучи солнышко с утра прячут – это ангел плачет мой, слышишь! Он меня не позабыл, значит...»

Мне представляется, что Юрия ожидает хорошая литературная судьба, жду от него много публикаций в журналах, хороших его книг. Но здесь всё в большей степени зависит не от фортуны, редакторов, критиков, а от самого молодого автора, его упорного литературного труда, непрерывного самообразования. Всё главное происходит в душе поэта и на бумаге, когда он пишет стихотворение. А если на бумаге недокрутил-недовертел, то уже бесполезно пороги редакций обивать. И так же самое главное происходит, когда читатель видит или слышит ваши стихи, – читателя не обманешь, всегда полагайте, что читатель умней и начитанней вас, это придаст вам необходимый настрой при саморедактировании и самооценке, так я обычно говорю молодым авторам. Поэзия – это любовь к жизни и истине.

